112
U 738

Ч-507
И 112
738

В. Чертковъ.

ОБЩЕСТВО

Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи

Изданіе А. М. Дубровскаго.

1907 г.

Типографія В. Н. Кузнецъ, Москва, Брестская улица, домъ № 24.
Телефонъ № 125-99.

ар
20944

И 112/738

В. Чертковъ.

801-94
3430-8

Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи

947/250

Изданіе А. М. Дубровскаго.

1907 г.

Типографія В. Н. Кузисъ, Москва, Брестская улица, домъ № 24.
Телефонъ № 125-99.

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля 1906 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
18298-44

КНИГА ИМЕЕТ. 0/w

ечатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1948 г.
4	1					И	513/2522	

. 39 т 300 тс.

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

Февральскія событія 7

Комиссія Ванновскаго 33

Прокламаціи Организаціоннаго Комитета Петербургскаго Университета 43

По поводу Студенческаго движенія 51

КРЮКОВ

Февральскія событія.

ФЕВРАЛЬСКІЯ СОБЫТІЯ.

Въ началѣ февраля 1899 года ректоромъ петербургскаго университета было вывѣшано объявленіе, въ которомъ, указавъ на то, что 8-го февраля (въ день годовщины университата) нерѣдко происходятъ со стороны студентовъ нарушенія порядка на улицахъ и въ публичныхъ собраніяхъ,—г-нъ ректоръ счелъ нужнымъ предупредить студентовъ о послѣдствіяхъ такого поведенія. «Законъ—сказано было въ этомъ объявленіи,—предусматриваетъ такого рода безпорядки и за нарушеніе общественной тишины и спокойствія подвергаетъ виновныхъ: аресту на семь дней или денежному штрафу до 25 рублей. Если же въ этихъ нарушеніяхъ будетъ участвовать цѣлая толпа людей, которая не разойдется по требованію полиціи, то упорствующіе подвергаются: аресту до одного мѣсяца или штрафу до 100 рублей. А если небходимо будетъ прекратить безпорядки силою, то упорствующіе подвергаются: аресту до трехъ мѣсяцевъ или штрафу до 300 рублей. Законъ предписываетъ даже употребленіе силы для прекращенія безпорядковъ. Послѣдствія такого столкновенія съ полиціей могутъ быть очень печальны. Виновные могутъ подвергнуться: аресту, лишенію льготъ, увольненію и исключенію изъ университета и высылкѣ изъ столицы(!)... Считаю необходимымъ,—заключаетъ ректоръ,—предупредить объ этомъ студентовъ. Студенты должны исполнять законы, охраняя тѣмъ честь и достоинство университета».

Въ запискѣ, поданной 17-го февраля министромъ финансовъ г. Витте въ совѣщаніе министровъ, говорится по поводу этого объявленія: «Нельзя не замѣтить, что большинство находящейся въ высшихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ молодежи находится въ томъ переходномъ возрастѣ, въ которомъ человѣкъ такъ боится уронить свое, не всегда правильно понимаемое достинство и до болѣзненности щепетильно относится къ чести своей и своихъ товарищей. Поэтому для меня не представляется вовсе удивительнымъ, что объявленіе ректора, въ которомъ каждый вполнѣ взрослый человѣкъ увидѣлъ бы лишь простое предупрежденіе,—произвело на увлекающуюся молодежь неблагопріятное впечатлѣніе. Можетъ быть,—продолжаетъ господинъ министръ финансовъ,—студенты въ подобномъ случаѣ отъ своего университетскаго начальства ожидали обращенія къ чувству ихъ чести, а не угрозы наказанія за буйство и непристойное поведеніе немногихъ ихъ товарищей. Можетъ быть, лучшая часть студентовъ сочла себя оскорбленной тѣмъ, что за уличные безпорядки, ежегодно производимые небольшой кучкой буяновъ, была наброшена въ глазахъ общества тѣнь на всѣхъ студентовъ университета». Въ другомъ мѣстѣ той же записки объявленіе ректора называется «не вполнѣ удачнымъ по формѣ, но получившимъ широкое распространеніе.

Записка г. Витте подписана также министрами Хилковымъ, Ермоловымъ, Муравьевымъ, а также Протасовымъ-Бахметьевымъ. Такимъ образомъ, нетактичность объявленія ректора признана лицами очень авторитетными, и мы можемъ лишь прибавить съ своей стороны, что эта «нетактичность» встрѣтила среди учащейся молодежи почву, подготовленную многими предварительными нетактичностями ректора. Нужно сказать, что профессоръ В. И. Сергѣевичъ къ своей извѣстности ученаго успѣлъ прибавить также извѣстность человѣка, совершенно лишеннаго такта, что еще недавно привело къ выходу его изъ литературнаго фонда (инцидентъ, въ свое время оглашенный въ газетахъ). Къ несчастью, въ обращеніи профессора Сергѣевича, вдобавокъ, присутствуетъ постоянная склонность къ сарказму и насмѣшкѣ. Извѣстно, между тѣмъ, что молодежь легче пе-

реноситъ прямую грубость, чѣмъ саркастическое пренебреженіе. Эта черта, далеко не всегда сопровождаемая остроуміемъ и при полномъ отсутствіи такта,—давно уже раздражала университетскую молодежь, положеніе которой, нужно сказать правду, далеко не располагаетъ къ веселости и обмѣну остротами.

Объявленіе ректора, подъ свистъ и шиканье, было сорвано студентами и уничтожено. Подъ впечатлѣніемъ этого эпизода, студенты встрѣтили 8-е февраля, годовщину своего университета.

Министръ финансовъ г. Витте слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ очевидецъ, то, что произошло на годичномъ актѣ: «Считая, повидимому, себя оскорбленными объявленіемъ ректора, студенты и направили свое неудовольствіе противъ лица, подписавшаго объявленіе, т. е. противъ ректора. На актѣ это выяснилось вполнѣ. Торжественное годовое собраніе началось спокойно. При соблюденіи полнаго порядка былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности университета за минувшій 1898 годъ, была произнесена профессоромъ Ольденбургомъ актовая рѣчь на ученую тему, и только при появленіи на каѳедрѣ ректора университета раздались свистки, и начался безпорядокъ. Но этотъ послѣдній немедленно и прекратился, какъ только профессоръ Сергѣевичъ сошелъ съ каѳедры. Съ почтительнымъ вниманіемъ былъ выслушанъ затѣмъ національный гимнъ, завершенный единодушными аплодисментами и требованіями повторенія; съ большимъ одушевленіемъ исполнена и студенческая пѣсня.»

Нельзя, въ виду всего изложеннаго, не согласиться съ авторомъ приводимой нами записки, что (въ этой по крайней мѣрѣ стадіи) все происшествіе нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ «школьной демонстраціей», едва ли не вызванной не вполнѣ удачнымъ по изложенію объявленіемъ, въ которомъ молодыя, горячія головы усмотрѣли горькое оскорбленіе.

Однако, судьбѣ угодно было, чтобы за стѣнами университета студентовъ ждала новая неожиданность, изъ

тѣхъ, въ которыхъ «вполнѣ взрослые» русскіе люди тоже, пожалуй, не увидали бы ничего особеннаго, но которыхъ неопытная еще молодежь не можетъ переносить съ достаточнымъ философскимъ спокойствіемъ.

Передъ университетомъ выстроились отряды конной полицейской стражи, которая и загородила студентамъ дорогу къ ближайшему Дворцовому мосту, растянувшись отъ панели до панели. Стража стояла молча, точно рядъ конныхъ изваяній, и никто не пытался не только предупредить молодежь заранѣе о томъ, что путь этотъ будетъ закрытъ, но никто не указалъ также, куда она должна направляться.

Вполнѣ понятно, что изъ университета молодежь выходила толпою, совершенно такъ, какъ выходитъ публика изъ церкви или изъ театра. Не менѣе понятно также, что, задержанная почти у самаго выхода, толпа сгустилась и увеличилась въ объемѣ. Увидѣвъ, что ближайшій путь закрытъ, эта толпа двинулась къ мосткамъ черезъ Неву. Мостки эти оказались заранѣе убранными, и ходъ черезъ Неву прегражденъ.

Для чего это было сдѣлано? Повидимому, полиція не хотѣла пропускать студентовъ мимо дворца. Къ сожаленію, высокопоставленный авторъ цитированной нами записки не присутствовалъ при томъ, что разыгралось послѣ акта на набережной Невы, но «лица, вполнѣ заслуживающія довѣрія», разсказали ему въ общихъ чертахъ то-же, что извѣстно изъ другихъ источниковъ.

«Есть основаніе предполагать,—говоритъ онъ въ своей запискѣ,—что пріемы, посредствомъ которыхъ желали не пропустить прохожденія толпою по городу собравшейся на актъ возбужденной молодежи, были (опять) не вполнѣ тактичны. Можно также сомнѣваться и въ практичности распоряженія полиціи о томъ, чтобы для прохода студентовъ изъ университета на другой берегъ Невы были закрыты проходы по льду черезъ Дворцовый мостъ. Направленіе всей толпы по одному пути (къ Николаевскому мосту) уже само по

себѣ должно было вызвать безпорядокъ. Для того, чтобы студенты непроходили мимо дворца, не было надобности закрыть проходъ по Дворцовому мосту, ибо совершенно достаточно было закрыть проходъ по набережной къ дворцу и по площади на Морскую, оставить свободнымъ ходъ по Адмиралтейскому проѣзду на Невскій проспектъ». Поэтому г. министру опять кажется нисколько «неудивительнымъ, что, когда экзальтированная всѣмъ происшедшимъ на актѣ молодежь столкнулась съ запрещеніемъ свободнаго прохода, то это распоряженіе въ разгоряченномъ воображеніи молодыхъ головъ показалось и обиднымъ, и незаконнымъ. Отсюда вполнѣ понятны и происшедшій уличный безпорядокъ, и дальнѣйшій ходъ студенческаго броженія».

Такимъ образомъ, «нетактичность», нецѣлесообразность и грубость принятыхъ полиціей мѣръ опять признается министромъ. Однако, есть здѣсь черта, которую. къ сожаленію, авторъ-составитель записки, упускаетъ изъ виду. Эта толпа студентовъ, безцеремонно остановленная у выхода изъ университета и мечущаяся отъ одного прохода къ другому, перегоняемая, какъ стадо, безъ всякихъ объясненій съ мѣста на мѣсто,—это—увы! - настоящій прообразъ русской жизни и нашего общества, останавливаемаго на всѣхъ законнѣйшихъ путяхъ своей дѣятельности. Всюду вырастаютъ неожиданныя препятствія, по поводу которыхъ, мы увѣрены, тотъ же г. министръ финансовъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ: «есть основаніе считать ихъ и обидными, и незаконными»...

Чувствовала ли все это молодежь, безцеремонно задержанная, искуственно сбитая въ толпу и подвигавшаяся по набережной къ Николаевскому мосту? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Во всякомъ случаѣ является до извѣстной степени утѣшеніемъ, что ея настроеніе кажется понятнымъ пяти высшимъ государственнымъ дѣятелямъ современной Россіи... Что же было дальше? Студенты, бывшіе въ этой толпѣ, передавали, что впереди, у Николаевскаго моста, имъ виднѣлся но-

вый отрядъ. Это, разумѣется, было бы не особенно удивительно, какъ, впрочемъ, и то, если бы этотъ отрядъ только почудился «взволнованному воображенію экзальтированной молодежи». Въ пользу перваго предположенія говоритъ, впрочемъ, то обстоятельство, что едва толпа прошла сотню саженей въ принятомъ направленіи, какъ отъ отряда стражниковъ отдѣлился офицеръ съ однимъ всадникомъ и поскакалъ въ догонку.

Студенты подумали, что онъ скачетъ, чтобы устроить новую преграду впереди. Тогда терпѣніе „экзальтированной молодежи» истощилось, и въ приближавшихся всадниковъ полетѣли снѣжки. Поручикъ вернулся обратно, сталъ во главѣ стражи и скомандывалъ аттаку.

Въ студенческомъ «бюллетенѣ“, описывавшемъ это событіе, сказано, что офицеръ скомандывалъ «маршъ-маршъ» и при этомъ прибавилъ «не повѣсятъ же насъ за эту студенческую сволочь!»

Господинъ военный министръ въ рѣчи, сказанной въ медико-хирургической академіи, говоритъ, что офицеръ, «потерявъ голову, скомандывалъ: рысью впередъ!» Надо думать, что г-ну военному министру слова команды извѣстны лучше, чѣмъ студентамъ. Фактъ, однако, тотъ, что рядъ «нетактичностей» этого дня завершился форменной аттакой на искусственно, мѣрами же полиціи собранную толпу, причемъ были пущены въ ходъ нагайки. „Чѣмъ могли отвѣтить грубые мужики, одѣтые въ военную форму?» спрашиваетъ военный министръ,— особенно, добавимъ мы отъ себя,—услышавъ прямую команду.

Г-нъ военный министръ опять ни мало не удивляется происшедшему. «И каждый изъ васъ,—полагаетъ генералъ Куропаткинъ,—поступилъ бы такъ же, какъ и онъ“. Но съ другой стороны, тотъ же министръ категорически утверждалъ въ своей рѣчи, что понимаетъ также настроеніе студентовъ, присоединившихся къ протесту. Онъ думаетъ даже, что «и самъ, будь на ва-

шемъ мѣстѣ, тоже присоединился бы къ протесту»... Положеніе, въ значительной мѣрѣ, парадоксальное и— увы!—опять слишкомъ характерное для общаго строя нашей политической и гражданской жизни, заставляющее искать причинъ многихъ прискорбныхъ столкновеній въ условіяхъ весьма отдаленныхъ отъ непосредственныхъ участниковъ самаго столкновенія.

Повидимому, студенты совершенно согласны съ господиномъ военнымъ министромъ въ оцѣнкѣ поступка полицейскаго поручика, и впослѣдствіи въ ихъ «бюллетеняхъ" и постановленіяхъ много разъ повторяется мысль, что наказаніе злополучнаго поручика они никоимъ образомъ не могутъ считать удовлетвореніемъ за оскорбленіе, и что это было бы столь знакомымъ намъ обвиненіемъ «во всемъ виноватаго стрѣлочника.»

Весь этотъ день полиція была на сторожѣ, ожидая безпорядковъ, о которыхъ г-нъ ректоръ говорилъ такъ подробно въ своемъ объявленіи. Особенно сильные полицейскіе посты стояли около крупныхъ гостиницъ на Невскомъ. Но ожиданія были напрасны: никто не думалъ тревожить даже знаменитаго ресторана Палкина.

За то сходка на слѣдующій день въ университетѣ отличалась небывалымъ многолюдствомъ, замѣчательною выдержанностью и дисциплиной. Началось движеніе, еще небывалое въ исторіи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

«Я помню,—говорилъ ректоръ въ своей рѣчи къ студентамъ,—много студенческихъ исторій; помню знаменитое волненіе 1862 года, и послѣ нихъ я пережилъ и былъ свидѣтелемъ немалаго числа такихъ исторій,— и я скажу, что такого критическаго момента еще не переживало студенчество никогда и нигдѣ.» Дѣйствительно, и по размѣрамъ, и по характеру, по чрезвычайной выдержанности и дисциплинѣ, которыя проявила студенческая масса,—движеніе 1899 года оставляетъ далеко за собою всѣ прежнія. Быть, можетъ, то же нужно сказать и о размѣрахъ сочувствія, вызваннаго движеніемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

Рѣчь В. И. Сергѣевича, въ которой не было ни одного живого и убѣдительнаго слова, была выслушана въ глубочайшемъ молчаніи. На слѣдующій день новая сходка приняла постановленіе, въ которомъ выражалось нимѣреніе добиться закрытія университета до тѣхъ поръ, пока студенты не нолучатъ удовлетворенія и «гарантіи личной неприкосновенности». Въ случаѣ же, если нѣкоторые профессора не пожелаютъ прекратить лекцій, рѣшено прибѣгнуть къ обструкціи. Постановленіе это тотчасъ-же приведено въ исполненіе.

Профессора Марковъ, Сергѣевскій, Горчаковъ нашли свои аудиторіи пустыми, хотя и сочли себя обязанными просидѣть положенное время на каѳедрѣ. Профессоръ церковнаго права Горчаковъ, поставивъ стулъ въ дверяхъ аудиторіи, обратился съ рѣчью къ студентамъ, толпившимся въ корридорѣ. Профессоръ астрономіи Глазенапъ приглашалъ слушателей предаться изученію безстрастныхъ звѣздъ, какъ занятію, болѣе возвышающему душу, нежели политика. Всѣ эти добросовѣстные попытки не имѣли, однако, никакого успѣха, къ тому же ихъ прекратилъ самъ ректоръ г. Сергѣевичъ, пригласившій въ стѣны университета градоначальника съ полиціей Полицейскіе заняли входы, записывали студентовъ, забирали билеты, одинъ разъ заперли 1500 человѣкъ въ манежѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отступились отъ чтенія почти всѣ профессора. У профессора Горчакова произошелъ съ градоначальникомъ г. Клейгельсомъ чрезвычайно интересный разговоръ, при чемъ профессоръ-священникъ заявилъ, что считаетъ присутствіе полиціи въ стѣнахъ университета оскорбительнымъ и незаконнымъ.

Впрочемъ, нашлись четыре профессора, не раздѣлявшіе взгляда почтеннаго г. Горчакова. Это были гг. Ведровъ, Фойницкій, Георгіевскій и извѣстный съ разныхъ сторонъ профессоръ Исаевъ. Эти ученые не считали оскорбительнымъ для себя проходить къ каѳедрѣ сквозь строй городовыхъ, а профессоръ Исаевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, „честныхъ профессоровъ

можно слушать и въ военное время». Онъ былъ жестоко освистанъ молодежью, и эта своеобразная демонстрація профессорской честности не удалась.

Между тѣмъ волненіе быстро охватывало всю учащуюся молодежь сначала въ Петербургѣ, а потомъ и по всей Россіи. 12 февраля къ движенію примкнули институты: горный, лѣсной, женскій медицинскій, электротехническій, институтъ инженеровъ путей сообщенія и медико-хирургическая военная академія. Въ февралѣ же прекратили слушаніе лекцій институты технологическій, гражданскихъ инженеровъ, высшіе женскіе курсы.—Вслѣдъ затѣмъ курсы Лесгафта. Рождественскіе, академія художествъ и даже зубоврачебные курсы. Къ 20 февраля «забастовка учащейся молодежи" распространилась на историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ, на университеты Московскій и Кіевскій, женскіе педагогическіе курсы, Московское техническое училище, Московскій сельско-хозяйственный институтъ (бывш. Петровская академія), сельско-хозяйственный институтъ въ Новой Александріи, Кіевскій и Рижскій политехническіе институты. Затѣмъ, получились извѣстія о безпорядкахъ въ Харьковскомъ, Одесскомъ, Юрьевскомъ, Томскомъ и Варшавскомъ университетахъ.

Такимъ образомъ все высшее учебное дѣло въ Россіи на время остановилось, и свыше 25 тысячъ молодежи приняло участіе въ движеніи, начавшемся 8-го февраля на набережной рѣки Невы.

Всѣ учебныя заведенія, примыкавшія къ движенію, посылали въ университетъ заявленія, въ которыхъ рѣшительно примыкали къ «требованіямъ», поставленнымъ студентами университета. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ слышится горячій протестъ противъ полицейскаго произвола въ разныхъ его видахъ.

«И такъ, товарищи,—читаемъ мы въ бюллетенѣ 3-го дня по закрытіи университета (13 фев.),—нашъ протестъ возвысился до протеста науки и просвѣщенія противъ дикаго произвола»... И это не было преувеличеніемъ. Дѣйствительно, по всему лицу русской земли,

начиная съ Петербурга и кончая далекой Сибирью, гдѣ только существуютъ высшія учебныя заведенія, опустѣвшіе храмы науки молчаливо протестовали «противъ дикаго произвола».. Но и туда, гдѣ нѣтъ университетовъ и институтовъ, въ самые глухіе углы нашего отечества проникла тревога и волненіе: русскіе отцы и матери дрожали за участь своихъ дѣтей, ставились на карту надежды 20-ти тысячъ русскихъ семей, неповинныхъ уже ни въ чьихъ нетактичностяхъ и ни въ чьей «молодой экзальтаціи». Кажется только одинъ г-нъ Суворинъ во всей Россіи полагаетъ, что это совершенные пустяки, до которыхъ русскому правительству въ сущности нѣтъ никакого дѣла.

Каковъ характеръ этого движенія? При каждыхъ болѣе или менѣе значительныхъ волненіяхъ студенчества прежде всего ставится этотъ вопросъ, и по большей части до сихъ поръ онъ рѣшался въ томъ смыслѣ, что движеніе носитъ характеръ «несомнѣнно политическій.» Доказать это полиціи никогда не представляло затрудненія: достаточно было захватить при обыскахъ нѣсколько нелегальныхъ брошюръ или установить знакомство кого-нибудь изъ участниковъ волненія съ кѣмъ-нибудь изъ арестованныхъ ранѣе (хотя бы и вполнѣ неосновательно). Наконецъ, никогда не было недостатка въ провокаціи.

Говорятъ, что и на этотъ разъ въ ней не было недостатка. Вскорѣ же послѣ фактическаго закрытія университета появилась прокламація отъ имени соціалистовъ-революціонеровъ, въ которой движеніе объявлялось рѣшительно—революціоннымъ. Всѣ дѣйствительные организаторы движенія, члены такъ называемыхъ организованныхъ комитетовъ, утверждаютъ, что это заявленіе происхожденія чисто полицейскаго. Говорили также о загадочномъ объявленіи, появившемся въ „Новомъ Времени“, съ обращеніемъ „Дѣтка“, съ датой основанія Харьковскаго университета и подписанномъ

„Гусыня“. Такъ какъ объявленія цензуруются въ градоначальствахъ, то въ этомъ объявленіи, заключавшемъ странныя и загадочныя приглашенія, многіе видятъ тоже полицейскую провокацію. Трудно сказать—насколько это основательно.

Сами студенты и признанные ихъ представители старательно устраняли всякій намекъ на этотъ „политическій характеръ» своего протеста. „Ректоръ, - говорилось въ одномъ изъ бюллетеней, которые студенты выпускали во все время движенія,—пытался въ своей рѣчи придать движенію политическую окраску, но студенты, говорившіе послѣ ректора, опровергали это утвержденіе». Все время они съ замѣчательною выдержанностью и дисциплиной съумѣли избѣгать всякаго повода для уличныхъ безпорядковъ и столкновеній съ полиціей. Послѣ самыхъ многолюдныхъ сходокъ, они расходились въ одиночку или небольшими кучками, которымъ, при всемъ желаніи, невозможно было придать значеніе скопищъ.

Въ обществѣ тоже единодушно отрицался „политическій характеръ» настоящихъ волненій. „Говоря о настоящемъ весьма прискорбномъ случаѣ,—пишетъ въ своей запискѣ г-нъ Витте,—я не могу не отмѣтить того, на мой взглядъ весьма отраднаго факта, что настоящіе безпорядки... лишены, повидимому, всякой политической окраски.“ И однако, самъ онъ признаетъ, что «слѣдствіе всего происшедшаго дѣло выросло отъ *школьной шалости* на степень общественнаго явленія.»

«Родители и родственники студентовъ безпокоятся за ихъ участь, бывшіе студенты скорбятъ о своихъ родныхъ заведеніяхъ, тревожное чувство господствуетъ не только среди учащейся молодежи, но и въ большей части общества.»

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку: собственно *школьная шалость* (свистъ ректору) не имѣла ни малѣйшаго отношенія къ тому, что произошло за стѣнами университета, и, такимъ образомъ, вѣрнѣе было бы сказать, что въ данномъ случаѣ со-

бытіе огромной важности, «вызвавшее тревожное состояніе въ большой части общества", выросло не изъ школьной, а *полицейской* шалости, и это обстоятельство окрашиваетъ все движеніе. Послѣднее, очевидно, имѣетъ характеръ протеста противъ полицейскаго произвола, одно изъ проявленій котораго разыгралось 8-го февраля, и это, конечно, выводитъ его далеко за предѣлы чисто „школьныхъ" манифестацій.

„Политическимъ", въ строгомъ смыслѣ, студенческое движеніе можно было бы назвать въ томъ случаѣ, если бы оно было вызвано и направлялось той или другой партіей, имѣющей въ виду опредѣленную политическую программу. Уже самые размѣры движенія,—охватившаго всю молодежь и взволновавшаго все русское общество отъ мелкаго чиновника до министра,—показываютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ или другомъ строѣ политическихъ взглядовъ, а о нѣкоторыхъ аксіомахъ, рѣшеніе которыхъ одинаково доступно людямъ самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій.

Въ своихъ требованіяхъ, формулированныхъ обстоятельно, умѣренно и точно, студенты университета говорятъ лишь объ «отсутствіи гарантіи неприкосновенности личности» и требуютъ отвѣтственности полиціи въ общемъ порядкѣ передъ судомъ. Тѣ же требованія, съ чрезвычайнымъ единодушіемъ и съ нѣсколько лишь большей широтой, заявляютъ остальныя заведенія. Такъ, напримѣръ, «студенты всѣхъ пяти курсовъ инженеровъ путей сообщенія, присоединяясь къ протесту, постановляютъ прекратить посѣщеніе лекцій до тѣхъ поръ, пока всѣ мы не будемъ гарантированы на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ»... Требованіе гарантій личной неприкосновенности, — говорится въ постановленіи организаціоннаго комитета студентовъ горнаго института,—«этого основного принципа всякаго цивилизованнаго общества—остается главнымъ требованіемъ студенчества, за которое оно будетъ бороться до конца»... Полное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное студенчеству, гарантіи физической неприкосно-

венности и опубликованіе правилъ, которыми руководствуется полиція по отношенію къ студентамъ», — таковы требованія студентовъ лѣсного института. Таковы же они у всей остальной молодежи, примкнувшей къ движенію.

Такимъ образомъ, отрицая политическій характеръ своего движенія, студенчество ставитъ требованія, направленныя противъ нѣкоторыхъ „прерогативъ“ полиціи. Послѣдняя, можно даже думать, совершенно искренно считаетъ эти прерогативы, т. е. полную фактическую безсудность свою, основнымъ началомъ самодержавнаго строя. Нужно сказать, что такъ думаетъ не одна полиція, но и многіе «взрослые русскіе люди». Въ своей рѣчи, обращенной къ студентамъ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ между прочимъ: «Вы смѣстили меня, но за мною стоитъ попечитель, а за нимъ... Вы выбросили меня, назначеннаго по указу его величества, и я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ о послѣдствіяхъ»... Смыслъ этой аргументаціи ясенъ: протестуя противъ г-на ректора, студенты идутъ противъ самого царя, и, значитъ, движеніе направлено противъ существующаго строя. То же разсужденіе съ неменьшимъ правомъ могъ бы примѣнять къ себѣ и бравый поручикъ, скомандовавшій «рысью впередъ». Онъ назначенъ градоначальникомъ, градоначальникъ—государемъ. Значитъ, нагайками билъ студентовъ самъ государь, и протестъ противъ полицейской нагайки есть, въ сущности, протестъ противъ самодержавной власти.

Оборотъ чрезвычайно удобный для существующаго у насъ административно-полицейскаго порядка, но едва-ли выгодный для «основъ существующаго строя». Въ настоящее время,—и въ этомъ одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ даннаго студенческаго движенія, которая именно и придаетъ ему значеніе общественнаго событія,— рѣшается вопросъ о томъ: признаетъ ли высшее правительство такое отождествленіе или не признаетъ. Студенты утверждаютъ, что они протестуютъ лишь противъ одной частности и что это вовсе не возстаніе противъ

«основъ»... Въ интересахъ высшей русской полиціи— доказать противное. Этотъ именно вопросъ поставленъ теперь волненіемъ всей учащейся молодежи; отвѣта именно на него ждутъ опустѣвшіе храмы науки, а съ нимъ и русское общество.

Каковъ же будетъ этотъ отвѣтъ?

Два раза въ глубокомъ молчаніи нѣсколько тысячъ молодежи, объединенной непосредственнымъ чувствомъ негодованія, выслушивали рѣчи своего ректора, рѣчи, въ которыхъ выдающійся русскій ученый, представитель высшей учебной администраціи, ближайшій посредникъ между молодежью и правительствомъ—пытался разъяснить этой молодежи ея положеніе и призвать къ уваженію законности и права. Это были интересныя и въ высокой степени характеристичныя минуты.

Съ одной стороны—молодая толпа, цвѣтъ русской интеллигентной молодежи, взволнованная яснымъ очевиднымъ, всѣми осужденнымъ насиліемъ произвола и безотвѣтственности. Каковы «политическія» убѣжденія этой молодежи? Можно сказать съ полной увѣренностью, что у огромнаго большинства они еще не сложились. На одной сторонѣ здѣсь можно найти нѣкоторое количество молодыхъ людей, настроенныхъ довольно радикально. На другой стоятъ люди, всѣ семейныя и сословныя традиціи которыхъ сложились довольно опредѣленно на аристократическій и вполнѣ вѣрноподданническій ладъ. Между ними расположилась масса, болѣе или менѣе близкая тому или другому полюсу. И заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что всѣ эти категоріи молодежи объединились въ общемъ чувствѣ негодованія и протеста,—разночинцы одинаково съ членами самыхъ аристократическихъ семей столицы.

Одно изъ существенныхъ свойствъ молодого возраста —не только самолюбивая „чуткость къ мнимымъ или дѣйствительнымъ оскорбленіямъ“, о которыхъ говоритъ г-нъ Витте, но еще и чуткость къ извѣстнымъ нравственнымъ запросамъ высшаго порядка.

Всѣ эти юноши готовятся вступить въ жизнь и, стоя

уже у ея двери, они вглядываются и прислушиваются къ тому, что ихъ ждетъ за порогомъ высшей школы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромное большинство пойдетъ обычной проторенной дорогой, доставитъ контингентъ хорошихъ чиновниковъ, учителей, техниковъ, строителей, инженеровъ, слѣдователей, судей, прокуроровъ. Жизнь еще десятки разъ перетасуетъ ихъ молодыя иллюзіи и убѣжденія, и,—такъ это бывало всегда,—не одинъ изъ нынѣшнихъ ораторовъ будетъ, можетъ быть, употреблять свой талантъ, впервые проявленный на товарищескихъ сходкахъ, на обвинительныя рѣчи съ прокурорской скамьи или на рѣчи въ акціонерныхъ собраніяхъ ..

Но теперь всѣмъ имъ хочется правды, всѣ хотятъ вѣрить, что въ будущемъ они станутъ осуществлять идеальныя начала, что всегда они будутъ на сторонѣ справедливости и добра. И они въ правѣ думать, что жизнь, куда они направляются, что строй, которому они призываются служить, требуетъ отъ нихъ именно этого и дастъ имъ именно эту возможность. Таково уже общее свойство молодежи, и страна, въ которой молодежь утратила бы это чувство, несомнѣнно должна разложиться и погибнуть.

Что же мы будемъ дѣлать съ этой чуткостью къ правдѣ, и какъ современный строй «готовится ею воспользоваться»?

Въ настоящее время весь цивилизованный міръ занятъ вопросомъ о томъ, правильно или неправильно осужденъ еврей Дрейфусъ, бывшій офицеръ французской арміи. Рѣчь идетъ лишь о судебной ошибкѣ спеціальнаго суда и о судьбѣ одного только человѣка И однако всѣ остальные вопросы политической Европы отодвинуты на задній планъ вопросомъ: гдѣ справедливость и право въ этомъ единичномъ случаѣ?.

У насъ нѣтъ тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ это дѣло выросло во Франціи до размѣровъ мірового явленія; но изъ этого не слѣдуетъ, что у насъ отсутствуютъ случаи, способные въ гораздо большей мѣрѣ за-

дѣть чувство справедливости.

При всѣхъ колебаніяхъ въ настроеніи правящихъ сферъ, при всей реакціи, давно уже господствующей въ нашей жизни,—пореформенный періодъ внесъ все-таки, въ общемъ, прогрессъ во многія стороны этой жизни.

Основы нашихъ судебныхъ уставовъ правильны и прогрессивны, *) въ наши нравы постепенно внѣдрялось сознаніе права и нѣкотораго равенства передъ закономъ. Только наша политическая полиція не была ни въ какой мѣрѣ захвачена этимъ общимъ прогрессомъ. И до сихъ поръ она цѣликомъ покоится на безсудности и произволѣ такъ называемаго „административнаго порядка". Годы самаго строгаго тюремнаго или крѣпостного заключенія, высылка въ самыя отдаленныя мѣста, часто преждевременная смерть въ казематѣ, - все это у насъ не требуетъ ни суда, ни защиты, ни судебнаго разслѣдованія и приговора.

Теперь вспомните, что именно учащаяся молодежь является всегдашнимъ объектомъ, къ которому примѣняется эта система. У насъ нѣтъ гласности и свободы печати; поэтому правительство, и отчасти и общество, убаюкивается иллюзіей административной тайны. Но при этомъ забывается, что всѣ эти случаи становятся достояніемъ всей учащейся массы, что, при обычной общительности въ молодой средѣ, каждый обыскъ, каждый арестъ, каждая высылка, каждая смерть въ тюрьмѣ становятся достояніемъ всей этой молодежи въ массѣ. Будущему русскому юристу съ каѳедры внушаются основы права и гражданской свободы, отъ которыхъ не можетъ отказываться никакой строй. Но выйдя съ лекціи, онъ узнаетъ о десяткахъ случаевъ, гдѣ эти основы попираются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ по отношенію къ его сестрѣ, брату товарищу, знакомому. Для того, чтобы приговорить лавочника къ 10 рубле-

*) Печатаемъ статью дословно, хотя и не раздѣляемъ взглядовъ автора на „правильность судебныхъ уставовъ" какой бы то ни было страны.

вому штрафу или двухдневному заключенію, законъ и установившаяся практика требуетъ свидѣтельскихъ показаній, протоколовъ, защиты и судебнаго приговора. Но для того, чтобы держать человѣка мѣсяцы и годы въ крѣпости, въ Крестѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія, въ далекой Сибири, не нужно никакихъ формальностей,—достаточно одного подозрѣнія въ «неблагонадежности» и «внутренняго убѣжденія» жандармскаго полковника Шмакова или прокурора г-на Кичина.

Каждое поколѣніе учащейся молодежи въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ стѣнахъ заведеній является свидѣтелемъ множества этихъ драмъ, и двѣ-три изъ нихъ неизмѣнно вырастаютъ до размѣровъ истинныхъ трагедій, способныхъ оставить далеко позади десятки процессовъ Дрейфуса. Наша печать молчитъ; высшее правительство убаюкивается иллюзіей тайны, а часто и само не знаетъ всей истины. И при этомъ забываютъ, что на трагедіи, надъ которыми опущенъ занавѣсъ, глядятъ десятки тысячъ молодыхъ глазъ, такъ какъ молодежь по самому своему положенію видитъ закулисную сторону этого «административнаго порядка». . Призовите любого изъ этой массы молодежи и спросите: извѣстно ли ему о дѣлѣ Костромина или о смерти Вѣтровой?—и вы увидите, что эти двѣ трагедіи кинули уже свою мрачную тѣнь на всю молодежь, принадлежащую нынѣшнему учащемуся поколѣнію.

Нужно-ли передать подробности? М. Ѳ. Вѣтрова, молодая дѣвушка, курсистка, была арестована по какому-ту подозрѣнію и заключена въ крѣпость. Здѣсь 12 февраля 1897 года, она умерла ужасною и таинственною смертью: сгорѣла, облитая керосиномъ. Князь Мещерскій напечаталъ по этому поводу замѣтку, въ которой сообщилъ, что причина смерти этой „арестантки“—„тайна между нею и Богомъ“. Въ обществѣ говорили объ ужасномъ насиліи, совершенномъ надъ несчастною дѣвушкой какимъ-то „низшимъ служащимъ“. Говорили также о назначеніи экстренной комиссіи для разслѣдованія дѣла подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Кони. Но

затѣмъ все стихло.

Иллюзія безгласности и тайны опустилась еще надъ одной драмой, и только потрясенная молодежь сдѣлала попытку отслужить панихиду по погибшей. Но панихиды у насъ являются опаснѣйшими политическими демонстраціями. Послѣдовали новые аресты...

Черезъ 2 года разразилась новая исторія: въ ночь на 12 марта 1898 года арестованъ въ Петербургѣ инженеръ-механникъ С. С. Костроминъ, занимавшійся статистикой и успѣвшій пріобрѣсть своими работами нѣкоторую извѣстность. Отправляясь въ тюрьму и незная за собой никакой серьезной вины, Костроминъ говорилъ женѣ, что онъ, навѣрное, вернется черезъ нѣсколько дней. Зная, что мужъ ея человѣкъ въ высшей степени нервный, жена начала хлопотать объ освидѣтельствованіи его и объ отдачѣ на поруки или переводѣ въ больницу. 4 апрѣля Костроминъ пытался броситься внизъ съ лѣстницы въ домѣ предварительнаго заключенья и едва былъ удержанъ надзирателемъ, которому при этомъ искусалъ руки, крича: «убейте меня, я не могу больше жить!» Его заперли въ камеру и дали бромистаго калія. Все это время жена, которая уже во время свиданія убѣдилась въ томъ, что мужъ ея опасно разстроенъ,—кидалась въ отчаяніи отъ одного представителя власти къ другому. Только 6 го апрѣля явился врачъ, который нашелъ Костромина «въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству». Однако, и при этомъ условіи въ помѣщеніи Костромина въ больницу было отказано: „политическій арестантъ“ былъ лишь переведенъ внизъ, въ такую же камеру. Вечеромъ надзиратели видѣли его сидящимъ и моющимъ блюдечко, а черезъ нѣсколько времени—онъ уже найденъ «спокойно лежащимъ на кровати»: осколками разбитаго блюдечка онъ перерѣзалъ себѣ горло.

У Костромина были еще свѣжія связи съ недавними товарищами и вообще съ молодежью. Убитая горемъ жена его металась въ напрасныхъ попыткахъ спасти мужа не въ глухомъ лѣсу, а въ столицѣ, гдѣ десятки

людей были вмѣстѣ съ нею потрясены и взволнованы. Готовилась опять «демонстрація въ видѣ панихиды», но она не состоялась .. Говорятъ, молодежь успокоилась, узнавъ, что жена подаетъ на дѣйствія прокурора Кичина жалобу въ законномъ порядкѣ..

Теперь вернемся опять къ той молодежи, которая въ глубокомъ молчаніи слушала успокоительныя рѣчи г-на Сергѣевича. Если бы можно было вскрыть какимъ-нибудь образомъ эти молодыя головы или снять эти мозги при посредствѣ какихъ-нибудь новыхъ рентгеновскихъ лучей, – можно ли сомнѣваться, что въ каждой молодой памяти, въ глубинѣ каждой молодой совѣсти—можно бы открыть эти два пятна, воспоминаніе объ этихъ двухъ драмахъ, созданныхъ безотвѣтственнымъ полицейскимъ строемъ...

Нужны-ли «опредѣленныя политическія убѣжденія», чтобы чувствовать ихъ давленіе, чтобы скорбѣть, негодовать, возмущаться при разсказахъ объ этихъ фактахъ?

Можно-ли сомнѣваться, что они залегли въ глубинѣ каждой души, можетъ быть, даже безсознательно, причиняя тупую боль какъ отъ глубоко засѣвшей занозы.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, молодежь сама въ цѣломъ подвергается грубому насилію отъ представителей того же полицейскаго порядка, у самаго порога университета, насилію грубому и безпричинному. Мудрено ли, что она вздрагиваетъ вся цѣликомъ, „безъ различія направленій“, точно отъ электрической искры? Нѣсколько студентовъ избито на набережной Невы, у дома № 8, —и всѣ высшія заведенія всей Россіи остановились..

Самая непропорціональность между сравнительно мелкой причиной и огромными размѣрами послѣдствій наводитъ на размышленіе, заставляетъ искать причинъ глубже, чѣмъ простое «школьное товарищество». Начальство въ разныхъ учрежденіяхъ различно, но полиція и административная безотвѣтственность одинаковы всюду, и всюду молодежь является объектомъ административнаго полицейскаго произвола.

И вотъ она ожидаетъ, что̀ скажетъ ей ея ректоръ, посредникъ между нею и остальнымъ нашимъ строемъ. Вчера еще онъ слишкомъ беззаботно грозилъ ей той же полиціей, не забывъ даже упомянуть «о высылкахъ изъ столицы», которыя она, къ сожалѣнію, знаетъ хорошо и безъ напоминаній. Но теперь, когда она подверглась грубому нападенію и насилію,— быть можетъ, она забудетъ личную обиду и вчерашніе свистки; быть можетъ, она вспомнитъ, что ректоръ—законный представитель университета, что самое положеніе обязываетъ его вернуть молодежи вѣру въ законъ и право. Можетъ быть, онъ съумѣетъ доказать, что для борьбы съ произволомъ въ нашемъ отечествѣ есть другіе пути, кромѣ не вполнѣ законныхъ студенческихъ манифестацій.

Въ эту минуту, если бы В. И. Сергѣевичъ сознавалъ свое положеніе, если бы онъ рѣшился рискнуть своимъ офиціальнымъ положеніемъ для исполненія своихъ обязанностей, какъ гражданина,— онъ могъ бы заставить забыть все прежнее и заслужить общее уваженіе.

Къ сожалѣнію, ректоръ С.-Петербургскаго университета только чиновникъ, и онъ не нашелъ сказать ничего, кромѣ банально-офиціальной марали. Онъ распространяется о своей обидѣ, отождествляетъ себя съ верховною властью, говоритъ о неудобствахъ парламентаризма и „рѣшенія вопросовъ“ скопомъ, предлагаетъ обдумать положеніе дѣлъ «наединѣ», пытается острить надъ „революціей въ домѣ № 8 по Набережной Невы“. Мы убѣждены, что у г-на Сергѣевича были самыя благія намѣренія и что въ его лицѣ чиновникъ учебнаго вѣдомства стремился вполнѣ искренно къ «водворенію порядка во ввѣренномъ учрежденіи». Но несомнѣнно также, что его разговоръ со студентами былъ настоящей бѣсѣдой бюрократическаго мефистофеля съ южнымъ взволнованнымъ Вагнеромъ. Трезвый чиновникъ—онъ и не пытался реабилитировать „существующій строй“ передъ идеальными запросами молодежи. Онъ и не думаетъ указать ей на существованіе законнаго исхода ея чувству. Онъ только высмѣиваетъ молодое негодованіе

и обращается къ тому, что, къ счастію, всего слабѣе у молодежи,—чувству страха передъ послѣдствіями. О, онъ, конечно, не отрицаетъ возмутительности самаго насилія.

«Поводъ (безпорядковъ) дѣйствительно прискорбенъ», —говоритъ онъ студентамъ:—*«всѣ о немъ знаютъ и всѣ его осуждаютъ»*. „Вечеромъ (значитъ, до того, какъ я бесѣдовалъ съ вами) я былъ у градоначальника и просилъ его обратить вниманіе на происшедшее и подвергнуть наказанію виновныхъ. Затѣмъ я былъ у министра и сообщилъ ему даже примѣты этого поручика“.. Но г-ну ректору хорошо извѣстно, что полиція въ Россіи судитъ себя сама,—и на устахъ мефистофеля играетъ саркастическая улыбка.

«Я нисколько не удивлюсь,—продолжаетъ онъ беззаботно,—если мнѣ сообщатъ вскорѣ, что поручикъ получилъ чинъ штабсъ-капитана»! „Требовать можно всего, вы могли бы требовать даже райскихъ птицъ, но какова ихъ судьба въ нашемъ климатѣ“! Правда, молодежь требовала только элементарной неприкосновенности личности, только отвѣтственности полиціи передъ судомъ. Но... это, по мнѣнію ректора, «райскія птицы» при нанашемъ строѣ „Средствъ борьбы (за эти элементарныя права) нѣтъ“. Поэтому ректоръ подаетъ благой примѣръ и... зоветъ ту же полицію уже въ самыя стѣны университета!

Такъ говорилъ благонамѣренный чиновникъ, защищающій существующій строй передъ молодежью, которую обвиняютъ въ „политическомъ движеніи“. И замѣчательно, что въ гектографированномъ отвѣтѣ на эту рѣчь студенты отвѣчаютъ своему ректору, что они «далеко не такъ пессимистичны»! Трудно рѣшить послѣ этого, что, въ сущности, болѣе разрушительно:—волнующаяся студенческая масса, вѣрящая въ возможность добиться права и при „существующемъ строѣ“, или эти ходячія формулы официальной благонадежнасти, эта официальная философія низости, рекомендующая подчинять

законныя чувства негодованія не праву, а только существующей силѣ?

---

20 февраля въ № 41 „Правительственнаго Вѣстника“ напечатано слѣдующее извѣщеніе: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го февраля въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторыя другія высшія учебныя заведенія, и о результатахъ его разслѣдованія представить на Высочайшее благовоззрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ упомянутыхъ заведеніяхъ обыденнаго порядка остается на обязанности начальниковъ сихъ заведеній“.

Заявленіе это сразу внесло ноту значительнаго успокоенія въ настроеніе массы учащейся молодежи, и забастовка почти всюду прекратилась въ началѣ марта. Безъ сомнѣнія, достиженію полнаго успокоенія сильно мѣшали многія обстоятельства: неопредѣленность состава «комиссіи» генерала Ванновскаго, ея чисто «административный» характеръ, неувѣренность въ правильности пріемовъ ея разслѣдованія, и, всего больше, то обстоятельство, что полиція продолжала являться судьей въ своемъ дѣлѣ: «высланные изъ столицы» студенты не были возвращены, несмотря на то, что эта мѣра вытекаетъ съ неизбѣжностью изъ самаго назначенія разслѣдованія: студенты эти наказаны уже той самой властью, дѣйствія которой могутъ еще быть признаны неосновательными

Въ Москвѣ высылка постигла больше 1000 студентовъ; въ Харьковѣ весь университетъ, оказался уволеннымъ, и студентамъ предложено подавать новыя прошенія.

Какъ бы то ни было, разслѣдованію генерала Ванновскаго и имѣющему за нимъ послѣдовать рѣшенію— предстоитъ важная, почти историческая задача: отдѣ-

лить дѣло административнаго произвола, осуждаемаго всѣмъ обществомъ, отъ «основъ существующаго строя», или еще разъ засвидѣтельствовать ихъ солидарность и неотдѣлимость... Разслѣдованіе. если оно должно быть «всесторонее», не можетъ ограничиться виновностью или оправданіемъ „поручика“, за которымъ стоятъ. быть можетъ, гораздо болѣе виновные г.г. Кичины Шмаковы, Пирамидовы, наконецъ весь строй безотвѣтственности. Оно должно выяснить настоящее значеніе явленія, указать, почему, несмотря на перемѣны въ уставахъ, въ программахъ, въ общественныхъ настроеніяхъ,—такъ называемые, студенческіе безпорядки проходятъ черезъ всю исторію послѣднихъ десятилѣтій, отъ времени до времени глубоко потрясая все общество. Наконецъ, никогда еще, даже въ разгарѣ жгучаго революціоннаго броженія,—эти волненія не принимали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ именно въ послѣднее, сравнительно тихое время!..

Вѣритъ-ли молодежь въ плодотворность миссіи генерала Ванновскаго или сомнѣвается въ ней—сказать трудно. Кажется, скорѣе послѣднее. Во всякомъ случаѣ,—она прекратила безпорядки и выжидаетъ результатовъ.

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что настоящее движеніе не было несомнѣнно вызвано никакими политическими партіями, но также несомнѣнно, что оно возбуждено *политическими причинами*

Молодежь съ болѣзненной чуткостью откликнулась на общее явленіе, которое называется административно-полицейскимъ произволомъ и составляетъ язву нашего гражданскаго и политическаго строя.

Сознаютъ ее всѣ классы общества, но расплачиваться приходится, главнымъ образомъ, молодежи

И, быть можетъ, студенческія волненія—самая тяжелая форма расплаты и для молодежи, и для общества. Лучшая, наиболѣе энергичная и, пожалуй, наиболѣе честная часть юношества отбрасывается на житейскія бездорожья. Ея чуткость, ея энтузіазмъ, способность къ

сильнымъ душевнымъ движеніямъ или теряется для Россіи, или направляется на исканіе выходовъ нелегальныхъ. Въ распоряженіи же общества и государства остается разбитое, познавшее стыдъ, чувствующее свою вину передъ погибшими товарищами большинство, которое, еще не вступивъ въ жизнь, уже преклонилось предъ мефистофельской мудростью. И если когда-нибудь представителямъ этого большинства, какъ нынѣ Сергѣевичу, выпадетъ на долю защита того строя, которому они служатъ,—они, какъ нынѣ ихъ ректоръ, не найдутъ сказать ничего, кромѣ сарказмовъ, и пригласятъ всѣхъ къ подчиненію, потому что... это все-таки сила...

Комиссія Ванновскаго.

КОМИССІЯ ВАННОВСКАГО.

Комиссія Ванновскаго была назначена 20-го февраля. Но еще до назначенія этой комиссіи стали высылаться безъ суда и слѣдствія многіе участники движенія. Такъ это было въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ. На высылаемыхъ указывала полиціи университетская администрація—ректоръ, инспекторъ и четыре его помощника (въ С. Петербургѣ), причемъ нерѣдко въ число высылаемыхъ попадали лица совершенно непричастныя къ движенію. Поэтому, назначеніе комиссіи имѣло двоякое вліяніе на учащихся.

Одни, болѣе дальновидные, понимали, что отъ комиссіи ожидать нечего. Это имъ доказывала, во-первыхъ, высылка товарищей, которые все еще сидѣли въ разныхъ городахъ и селеніяхъ имперіи и не возвращались даже для свидѣтельскихъ показаній, а между тѣмъ, въ ихъ числѣ были довольно многіе пострадавшіе отъ нагаекъ 8-го февраля. Доказывали это также состоявшіеся немногіе допросы пребывающихъ въ Петербургѣ студентовъ, на которыхъ выяснилось, что комиссія носитъ чисто полицейскій характеръ, допытывается фамилій говорившихъ на сходкахъ студентовъ, старается проникнуть въ организацію Петербургской Студенческой Кассы Взаимопомощи, разспрашиваетъ о совершенно посторонникъ дѣлу обстоятельствахъ (напр., о студенческихъ вечеринкахъ, обыкновенно справляемыхъ 8-го февраля) и т. д. Кромѣ того, комиссія заставляла студентовъ, замѣшанныхъ въ какія-нибудь политическія дѣла, излагать въ протоколахъ эти дѣла, причемъ не провинившимся ни въ чемъ предлагали выразить въ протоколѣ раскаяніе и обѣщаніе впредь не участвовать въ движеніи. Однимъ словомъ, для одной части студентовъ было

ясно, что цѣль комиссіи—выставить на показъ, что движеніе вызвано нѣкоторыми политически неблагонамѣренными лицами, и, кромѣ того, фамильярничаньемъ и любезничаньемъ съ нѣкоторыми изъ допрашиваемыхъ постараться успокоить умы взволнованной молодежи. „На дѣлѣ же генералъ Ванновскій даже категорически заявилъ, что студенты не останутся безъ наказанія за февральское движеніе“, говорится въ студенческомъ воззваніи „Къ товарищамъ“ отъ 18-го марта.

Но другая, тоже значительная часть студенчества, смотрѣла на комиссію совсѣмъ иначе. Нельзя сказать, чтобы она особенно довѣряла комиссіи. Нѣтъ, этого не было Но она руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе побочными причинами, и назначеніе комиссіи служило ей по большей части прикрытіемъ этихъ причинъ. Они громко заявляли, что одно назначеніе комиссіи уже такой успѣхъ, что студенчеству больше и желать нечего, что, продолжая безпорядки, студенты выразили бы явное недовѣріе къ монаршему слову и пошли бы противъ самого государя, лишились бы сочувствія общества и т. д.

Не малое вліяніе имѣли тоже разъѣзды министровъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ С. Петербурга, любезничанье съ студентами и рѣчи ихъ о томъ, что, дескать, пошалили уже вдоволь, пора опять за дѣло приняться. Наконецъ, страхъ за личную карьеру, слухи, что въ комиссіи будто бы участвуютъ всѣми уважаемыя лица—какъ академики Бекетовъ и Фаминцынъ, и что дадутъ студентамъ различныя права и привилегіи,—довершили остальное.

На сходкѣ 1-го марта, разрѣшенной ректоромъ и происходящей въ присутствіи ректора, неувѣренные все-таки еще въ себѣ антиобструкціонисты принимали всѣ мѣры, чтобы провалить обструкцію. При подсчетѣ голосовъ оказалось, что забастовка отклонена, хотя большинствомъ лишь одного голоса, и что, слѣдовательно, рѣшено уповать на комиссію. Къ подобному результату пришли другія учебныя заведенія Петербурга еще до

1-го марта. Среди нихъ особенно усердствовала Военно-Медицинская Академія и Институтъ Путей Сообщенія. Разумѣется, что рѣшеніе, принятое въ С.-Петебургскомъ университетѣ, вскорѣ распространилось и на другіе университеты, за исключеніемъ Кіевскаго.

Но спокойствіе было чисто внѣшнее. Недовольство проявлялось уже, во-первыхъ, въ требованіи возвращенія высланныхъ товарищей и принятіи ихъ обратно въ университетъ. Были сдѣланы учебному начальству довольно рѣшительныя заявленія, что, если до 15-го марта не будутъ возвращены товарищи, то безпорядки возобновятся. На этотъ разъ, начальство, вѣроятно, испугавшись громадныхъ размѣровъ движенія и видя безсмысленность самаго наказанія побитыхъ, поддалось, и, еще раньше назначеннаго студентами срока, полиція и учебное начальство попросило вернуться обратно всѣхъ тѣхъ, которые были высланы изъ Петербурга, впредь безъ права проживанія въ какомъ-бы то ни было университетскомъ городѣ. На высланныхъ было наложенс для виду небольшое наказаніе (трехдневный карцеръ), которому вернувшіеся въ большинствѣ случаевъ не повиновались, считая его неправильнымъ.

Казалось, что уже полное спокойствіе возстановлено и, можетъ быть, оно и дѣйствительно такъ вышло бы, если бы начальство не поскупилось на амнистію и вернуло бы и всѣхъ высланныхъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Но, вѣроятно, оно пожелало наказаніемъ провинціальныхъ университетовъ отстранить ихъ отъ вмѣшательства впредь въ подобныя движенія. Однако разсчетъ оказался не вполнѣ вѣрный.

Дѣло обсуждалось на сходкѣ 18-го марта въ Петербургскомъ университетѣ, и подавляющимъ большинствомъ рѣшено было возобновить забастовку и распространить ее также и на экзамены и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены и приняты безъ наказанія обратно всѣ пострадавшіе въ этомъ движеніи товарищи всѣхъ университетовъ.

Возобновившееся движеніе, выходившее на этотъ

разъ изъ Кіева, опять очень быстро распространилось на всѣ учебныя заведенія имперіи. На этотъ разъ правительствомъ рѣшено было поступать съ забастовавшими построже. Ко всѣмъ забастовавшимъ заведеніямъ примѣнили слѣдующую мѣру: исключали всѣхъ съ правомъ подачи прошенія объ обратномъ пріемѣ, причемъ ректоры могли принять или не принять. При прошеніи присовокуплялось обѣщаніе впредь въ точности повиноваться всѣмъ университетскимъ правиламъ, не собираться на сходки и т. п.

Петербургскіе студенты уже до увольненія знали отъ кіевскихъ товарищей объ этой мѣрѣ, и заблаговременно уже рѣшено было подавать всѣмъ прошенія съ вынужденнымъ заявленіемъ о повиновеніи правиламъ, такъ какъ большинству казалось, иначе отстаивать свои права было бы невозможно. Надо, впрочемъ, прибавить что не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ была принята подобная резолюція. Студенты Томскаго университета, напр., рѣшили вовсе не подавать прошеній объ обратномъ пріемѣ до исполненія ихъ требованій, и не принудили ихъ къ этому даже такія мѣры, какъ угрозы мѣстнаго полицей-мейстера не подававшихъ прошеніе и подлежащихъ призыву сдать въ солдаты.

Такъ какъ мартъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, то университетское начальство порѣшило не возобновить для вновь принятыхъ лекцій, такъ какъ въ такомъ случаѣ имъ прямо таки невозможно было бороться противъ мирной забастовки студентовъ, а приступить послѣ 2 3 недѣльняго чтенія (за все полугодіе) лекцій, прямо къ экзаменамъ. Притомъ примѣнялась такая мѣра: приглашались на экзаменъ небольшія группы студентовъ въ разные часы, входъ въ университетъ обставлялся полиціей, пропускались въ университетъ только особенные избранники, по особымъ билетамъ и то въ одиночку. Но, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, проникали въ университетъ все-таки забастовщики, дѣло дошло до объясненій на экзаменахъ, причемъ нѣкоторые профессора отказались экзаменовать, и товарищъ попе-

чителя обѣщалъ хлопотать передъ министромъ о прекращеніи экзаменовъ, немыслимыхъ при подобныхъ условіяхъ. Между тѣмъ не принятымъ студентамъ оставалось только смотрѣть, какъ одинъ или два десятка антиобструкціонистовъ, идя рука объ руку съ готовымъ на все начальствомъ и нѣкоторыми экзаменаторами, губили общее дѣло. Конечно, дѣло долго не могло оставаться въ такомъ положеніи. И дѣйствительно, безъ всякихъ сходокъ, молчаливо было рѣшено привести въ исполненіе скрытое желаніе всѣхъ забастовщиковъ выступить болѣе рѣшительно противъ небольшой группы экзаменовавшихся.

Встрѣчаясь, въ большинствѣ случаевъ, въ студенческой столовой, забастовщики передавали другъ другу, что рѣшено собираться 30-го марта къ десяти часамъ около университета, стараться тамъ переубѣждать, въ случаѣ надобности не пропускать въ университетъ отдѣльныхъ, желающихъ экзаменоваться лицъ. На другой день около университета собралось слишкомъ пятьсотъ студентовъ, встрѣченныхъ такимъ же количествомъ полицейскихъ. Когда они—на приглашеніе полицеймейстера барона Нолькена разойтись—отказывались это дѣлать, всѣхъ ихъ забрали, отвели въ манежъ и заставили въ этомъ холодномъ, сыромъ сараѣ оставаться безъ пищи съ 10 часовъ утра до 3-хъ часовъ ночи. Потомъ развозили всѣхъ на извозчикахъ по разнымъ частямъ и тюрьмамъ столицы.

Помѣщеній оказалось слишкомъ недостаточно для такого громаднаго количества арестованныхъ Такъ напр. около 150 человѣкъ были помѣщены въ казармахъ городовыхъ Александро-Невской части, причемъ всѣ должны были спать въ одной низенькой комнатѣ,—тѣсно сбитые другъ подлѣ друга на грязномъ полу и столь же грязныхъ тюфякахъ безъ подушекъ, безъ одѣяла. Само собою понятно, что на первое же утро оказалось нѣсколько заболѣвшихъ отъ недостатка воздуха и пищи и нѣсколько липившихся чувствъ, которыхъ тогда отправили въ участковую больницу.

Въ этомъ помѣщеніи арестованныхъ держали дня три, и когда, на приглашеніе разъѣзжаться изъ столицы на свой счетъ, не всѣ этому послѣдовали, то упорствующихъ перевели въ пересыльную тюрьму для отправленія этапнымъ порядкомъ изъ столицы на разныя мѣста жительства.

Въ пересыльной тюрьмѣ опять задержка, опять три дня ознакомленія со всѣми прелестями пересыльныхъ тюрьмъ, и потомъ, наконецъ, отправленіе съ конвойнымъ по городу на станцію желѣзной дороги. Надо упомянуть, что власти все-таки не рѣшились выслать такое громадное количество этапнымъ порядкомъ и стали выдавать прогонныя.

На станціи отправляемыхъ ожидала масса сочувствующей публики. Виднѣлись заслуженные профессора, много военныхъ, дамъ, студентовъ, курсистокъ. Раздаются пѣсни, анаѳема Боголѣповымъ, Горемыкинымъ. Проводы повторяются нѣсколько дней на всѣхъ станціяхъ, и толпа достигаетъ нерѣдко громадной цифры нѣсколько тысячъ. Полиціи это, конечно, непріятно. Надо же что-нибудь дѣлать, чтобы прекратить подобныя, на ихъ взглядъ, безобразія. И вотъ она опять, конная, бросается на мирно расходящуюся толпу, разгоняетъ ее, производитъ повсюду безпорядки и смятеніе. Въ городахъ, гдѣ полиціи недостаточно, какъ напр. въ Кіевѣ, Харьковѣ, объявляется военное положеніе и призываются войска, такъ какъ полиціи не справиться съ многочисленной толпой. Особенно свирѣпствовала полиція въ г. Ригѣ, гдѣ, при мирныхъ проводахъ высылаемыхъ, полиція тайкомъ арестовала одного студента Штейна, подозрѣваемаго въ числѣ зачинщиковъ, и, затащивъ его въ темную комнату жандармскаго отдѣленія, жестоко избила. Но здѣсь это тоже кончилось не совсѣмъ удачно для полиціи, такъ какъ товарищи арестованнаго, узнавъ о случившемся, энергично запротестовали, отправившись ночью въ полицейское управленіе, гдѣ добились освобожденія арестованнаго, потомъ отправились къ замку губернатора, гдѣ получили обѣщаніе, что дѣло

будетъ подробно разслѣдовано.

Послѣ таковыхъ массовыхъ высылокъ изъ всѣхъ университетскихъ городовъ, движеніе, конечно, немного затихло, и тѣ изъ экзаменаторовъ и экзаменовавшихся, которые окончательно потеряли стыдъ и совѣсть, могли подъ усиленной охраной полиціи уже безъ помѣхи довершить свое позорное занятіе.

Правительство, вынужденное громадными размѣрами движенія, наконецъ рѣшилось дать отчетъ о своемъ движеніи. 2-го апрѣля появилась въ Правительственномъ Вѣстникѣ статья, которая довольно безуспѣшно и часто противорѣчиво старалась выставить движеніе, какъ вызванное усиліями нѣкоторыхъ неблагонадежныхъ лицъ, причемъ неоднократно прибѣгало къ искаженію цифръ, фактовъ, касающихся объема и смысла движенія.

Послѣ доклада комиссіи Ванновскаго, ничего существеннаго и всесторонняго въ себѣ не заключавшаго, послѣдовала царская резолюція: выговоръ студентамъ, полиціи и обществу!..

Изъ распоряженій правительства, послѣдовавшихъ позже и задѣвающихъ это движеніе, упомянемъ о распоряженіи принимать всѣхъ обратно, за исключеніемъ тѣхъ, которые исключены съ лишеніемъ права вступленія въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе. Это распоряженіе даетъ поводъ надѣяться, что безпорядки возобновятся осенью, такъ какъ требованіе студентовъ, помимо перваго главнаго требованія, [illegible]ласить, чтобы были приняты обратно всѣ безъ исключе[illegible]я по страдавшіе въ этомъ движеніи товарищи, и оно [illegible] уважено,

Затѣмъ можно указать еще на предполагаемое устроеніе для студентовъ чайныхъ вечеровъ, съ преніями и литературными занятіями подъ ближайшимъ надзоромъ учебнаго начальства.

Не могутъ успокоиться участники движенія такими результатами своихъ усилій. Не могутъ успокоиться, вспоминая участь товарищей, тѣхъ товарищей, съ которыми они такъ глубоко согласны, которыхъ они счита-

ютъ такъ глубоко правыми и которые съ марта мѣсяца содержались въ одиночномъ заключеніи за то только, что они на сходкахъ послужили выразителями общаго мнѣнія и приняли на себя трудъ собирать свѣдѣнія о движеніи и излагать ихъ письменно. Не могутъ они успокоиться еще потому, что этихъ товарищей держали до іюля мѣсяца въ тюрьмѣ и *выпустили только послѣ четырехъ дней добровольной голодовки* и то только часть ихъ.

Движеніе, быть можетъ, затихло на время, но только на время, потому что недовольство не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены первыя требованія, пока не будутъ даны гарантіи неприкосновенности личности, пока личность не будетъ ограждена отъ дикаго произвола самодержавной администраціи.

Прокламаціи Организаціоннаго Комитета Петербургскаго Университета.

V.

Прокламаціи Организаціоннаго Комитета Петербургскаго Университета.

Организаціонный Комитетъ считаетъ необходимымъ обратиться къ товарищамъ съ послѣднимъ словомъ, которое окончательно выяснило бы его программу и его отношеніе къ настоящему движенію и разсѣяло нѣкоторыя возникшія по поводу его послѣднихъ шаговъ недоразумѣнія. Этотъ листокъ будетъ служитъ такимъ образомъ, съ одной стороны, оправдательнымъ документомъ дѣятельности Комитета, а съ другой, какъ мы позволяемъ себѣ думать, и заключительнымъ словомъ настоящему движенію. Прежде всего необходимо выяснить происхожденіе самаго Организаціоннаго Комитета. На сходкахъ 9, 10 и 11 февраля въ университетѣ выяснилось два теченія. Представители и ораторы одного стояли за подачу петиціи о разслѣдованіи событія 8-го февраля, въ которой они желали поставить и вѣчный вопросъ объ измѣненіи устава. Представители второго выставили программу совершенно противоположную; сходки приняли ее подавляющимъ большинствомъ голосовъ, уполномочивъ ихъ осуществить эту программу. Изъ этихъ лицъ и образовалась первая группа Организаціоннаго Комитета въ числѣ семи человѣкъ. 15-го числа четверо изъ нихъ были исключены изъ университета и послѣ ареста высланы изъ Петербурга. Ихъ мѣсто заняли четверо кандидатовъ, избранныхъ первой группой на этотъ случай, и, такимъ образомъ, соста-

вилась вторая группа Организаціоннаго Комитета. Черезъ день и изъ этой группы былъ высланъ одинъ. Программа, выставленная нами и принятая на сходѣ, состояла въ слѣдующемъ. Мы исходили изъ того положенія, что люди, человѣческое достоинство которыхъ поругано и которые настолько уважаютъ себя, что не могутъ съ этимъ поруганіемъ примириться, должны прежде всего протестовать и, конечно, требовать не только удовлетворенія за случившееся, но и обезпеченія на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ. Что же касается петицій о дарованіи всякихъ льготъ, то мы считали совершенно не совмѣстимымъ съ чувствомъ достоинства пользоваться подобнымъ поводомъ для выпрашиванія этихъ льготъ. Мы протестовали не только противъ даннаго событія; мы не могли ограничиться требованіемъ его разслѣдованія, предполагая даже, что оно будетъ вестись правильно. Мы разсматривали данное событіе, какъ единичный фактъ господствующаго въ Россіи строя, основаннаго на произволѣ безгласности и полной необезпеченности или даже отсутствіи самыхъ необходимыхъ, скажемъ болѣе,—священныхъ правъ развитой человѣческой личности Протестъ нашъ былъ, такимъ образомъ, *протестомъ противъ царящаго въ Россіи произвола*, единственную гарантію противъ котораго мы видѣли въ *законѣ* и его неприкосновенности. Въ данномъ случаѣ мы требовали судебной отвѣтственности полиціи. Мы протестовали во имя права и закона противъ произвола и насилія. Мы прекрасно понимали, что въ Россіи на указанной почвѣ можно только протестовать, но получить удовлетвореніе, тѣмъ болѣе усиліями одной только учащейся молодежи, конечно, нельзя; а потому весь смыслъ настоящаго движенія мѣ видѣли именно въ протестѣ. Невозможность же удовлетворенія теперь, сейчасъ-же, вовсе не исключала, по нашему мнѣнію, необходимости протеста. Судьба всѣхъ первоначальныхъ движеній—быть подавленными; но однако каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло и результатомъ цѣлаго ряда ихъ и будетъ достиженіе преслѣдуе-

мой цѣли Мы не только не питали на этотъ счетъ никакихъ иллюзій, но были увѣрены съ самаго начала, что правительство не поцеремонится произвести разгромъ университета, такъ какъ у насъ въ Россіи даже нежеланіе быть битымъ безъ всякаго повода считается преступленіемъ, разъ это битье совершается по приказанію властей. Желая, тѣмъ не менѣе, заявить свой протестъ какъ можно громче и насколько возможно болѣе обезпечить себя отъ разгрома, мы и выработали ту практическую часть нашей программы, которая теперь осуществлена и дала такіе блестящіе результаты. Во-первыхъ, постановкой вопроса на общую почву униженія чувства человѣческаго достоинства мы объединили людей самыхъ разнообразныхъ направленій, а исключивъ всякія узкія партійныя политическія цѣли, мы придали движенію широкій общественный характеръ и дѣйствительное политическое значеніе. Во-вторыхъ, не желая дать возможности силой подавить нашъ протестъ, мы придали ему мирную форму отказа отъ занятій и фактическаго закрытія высшихъ учебныхъ заведеній. Благодаря тому единенію, съ которымъ откликнулись на нашъ призывъ студенты другихъ учебныхъ заведеній, намъ дѣйствительно удалось въ двѣ—три недѣли добиться фактическаго закрытія всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеній Россіи съ ихъ 30.000 составомъ учащихся. Этотъ небывалый фэктъ поразилъ и общество, и правительство; замолчать и задушить его уже нельзя было, и поневолѣ правительство остановило готовящіяся жестокія репрессаліи. Практическимъ результатомъ нашего движенія, которому къ тому же помогли и которыя другія обстоятельства, говорить о которыхъ теперь мы считаемъ неудобнымъ, явилось назначеніе чрезвычайнаго слѣдствія съ генераломъ Ванновскимъ во главѣ. Даже этихъ результатовъ мы не ждали, и всякій пойметь, что они еще далеко не соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ и нашей программѣ. Однако студенческая масса, увлеченная толкованіемъ, даннымъ этому разслѣдованію либеральною частью нашихъ профессоровъ, на-

дѣясь съ помощью нѣкоторыхъ изъ нихъ получить кой-какіе практическіе результаты, о которыхъ мы не заботились, забыли совершенно о первоначальномъ значеніи своего протеста и первоначальныхъ своихъ желаніяхъ. Она избрала новый скользкій путь ходатайствъ и выпрашиванія милостей. Если бы масса сознательно относилась къ настоящему движенію она поняла бы, что протестъ направленъ именно противъ порядка, при которомъ право и законъ не значатъ ничего, а значеніе имѣютъ только ходатайства и просьбы, милость и подачки. Воспитанная и искалѣченная мертвящимъ режимомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, студенческая масса не съумѣла удержаться на высотѣ положенія и дорожить высокимъ смысломъ своего протеста болѣе, чѣмъ всякими милостями.

Мы поняли, что останемся дальше въ меньшинствѣ и что проведеніе нашей радикальной программы становится дальше невозможнымъ. Мы не хотѣли также продолжать обструкціи, навлечь на себя нареканія въ томъ, что учащаяся молодежь, благодаря нашему образу дѣйствій, лишится ожидаемыхъ ею результатовъ; и потому мы прекратили нашу дѣятельность еще 23-го февраля, о чемъ и заявили въ бюллетенѣ. Сходка 1-го марта только подтвердила наше предположеніе и оформила наше рѣшеніе. Наши либеральные благожелатели вырвали изъ нашихъ рукъ движеніе, и, если оно окончится ничѣмъ, и ихъ надежды не исполнятся, то на нихъ и должна пасть отвѣтственность за это. Благодаря имъ, студенты не дождались даже конца слѣдствія и его результатовъ. Лишивъ насъ возможности держаться дальше, либералы лишили и самихъ себя почвы, основываясь на которой, они и получили бы возможность выступить со своимъ ходатайствомъ. Что теперь отвѣтятъ имъ на ихъ ходатайство, мы угадывать не беремся. Если бы наши доброжелатели и наше общество, на которыхъ мы разсчитывали, воспользовались нашимъ протестомъ и дѣйствительно поддержали насъ, результаты были бы другіе. По поводу общественнаго сочувствія и

хотимъ мы сказать еще нѣсколько словъ.

Намъ говорятъ, что мы сильны сочувствіемъ общества. Да, мы надѣялись на него, но въ значительной степени ошиблись, и та либеральная труха, которая поднялась на встрѣчу намъ, только запорошила намъ глаза, и мы потеряли изъ виду ту звѣзду, которая свѣтила намъ впереди. Общество намъ сочувствуетъ, но сочувствуетъ исподтишка и громко заявить о своемъ сочувствіи не смѣетъ. Да, мы имѣли полное право бросить ему этотъ упрекъ. Въ нашей удрученной скромностью печати до сихъ поръ раздался только единственный честный, но робкій голосъ. Неужели намъ утѣшаться тѣмъ, что только «Новое Время» и «Народъ» осмѣлились напечатать статьи, которымъ мы, изъ уваженія къ себѣ, не даемъ должнаго эпитета. Намъ говорятъ, что, упорствуя, мы лишимся этого сочувствія. Но можемъ ли мы дорожить такимъ сочувствіемъ и не честнѣе ли для самихъ сочувствующихъ умолчать о немъ! На насъ наводитъ ужасъ то невыносимое положеніе полной безгласности и безправія, въ которомъ прозябаетъ наше общество. 30.000 учащейся молодежи во всѣхъ концахъ Россіи волнуется, всѣ высшія учебныя заведенія закрылись, правительство готово примѣнить репрессаліи и жестоко расправиться со всѣми, а наше общество не только не осмѣливается поднять свой голосъ, но даже не смѣетъ желать объясненія этого явленія, не смѣетъ желать преданія его гласности.

Наука и просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ ними и носители ихъ—университеты—не могутъ существовать рядомъ съ такимъ строемъ. Между ними всегда будетъ происходить глухая борьба, сопровождаемая частыми взрывами, пока этотъ строй не измѣнится. . . . . .

. . . . . .

Что эти безапелляціонныя рѣшенія будутъ постановляться по крайней мѣрѣ пятью разными министрами, такъ какъ у насъ есть высшія учебныя заведенія, подвѣдомственныя министрамъ: народнаго просвѣщенія, военному, финансовъ, юстиціи и земледѣлія, —и что за

одни и тѣ же безпорядки могутъ послѣдовать самыя различныя наказанія.

Что такой законъ, какъ эти «временныя правила», отмѣняющій и законы объ учрежденіи министровъ, и уставы судебные, и уставъ о воинской повинности, по русскимъ основнымъ государственнымъ законамъ не могъ быть изданъ въ той формѣ, въ какой онъ послѣдовалъ. Всякій законъ, такъ гласятъ наши основные государственные законы, можетъ быть отмѣняемъ лишь равносильнымъ закономъ. Между тѣмъ, учрежденія министерства, судебные уставы и уставъ о воинской повинности прошли всѣ законодательныя стадіи и суть *уставы*, а потому не могутъ быть отмѣняемы *указами*, «объявленными» черезъ министра какъ настоящія «временныя правила». . . . . .

* * *

Замѣчаніе редакціи «Рабочаго Дѣла».

«Временныя правила» противъ лучшихъ элементовъ студенчества несомнѣнно увеличатъ ряды борцовъ противъ самодержавія. Само правительство толкаетъ студентовъ съ новой силой на дорогу политической борьбы, и не только студентовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ тлѣетъ хоть искра честнаго возмущенія противъ насилія.

По поводу Студенческаго движенія.

ПО ПОВОДУ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Статья В. Черткова).

Разсматривая общее значеніе прогремѣвшаго въ началѣ 1899 года «студенческаго» движенія, мы должны прежде всего, замѣтить, что внѣшнее сочетаніе обстоятельствъ, давшее первоначальный толчокъ происшедшимъ событіямъ, само по себѣ не представляетъ ничего такого, чего нельзя было ожидать при существующемъ порядкѣ вещей въ Россіи. Циничное оскорбленіе со стороны охранителей государственнаго строя, основательно возмутившее учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній, является лишь блѣднымъ образцомъ того, чему въ несравненно сильнѣйшей степени и непрерывно подвергается по всей Россіи безправный и безгласный рабочій народъ. Разница только въ томъ, что простой народъ притѣсняется правительствомъ втихомолку, не имѣя возможности ни огласить своихъ оскорбленій и страданій, ни сплотиться для совмѣстнаго протеста и отпора; между тѣмъ какъ на этотъ разъ правительственные слуги имѣли неосторожность примѣнить, на берегахъ Невы и при свѣтѣ дня, надъ непривыкшею къ этому молодежью привилегированныхъ классовъ тѣ пріемы, которые они безпрепятственно употребляютъ повсюду, куда свѣтъ гласности еще не проникаетъ.

Съ одной стороны, поощренные режимомъ двухъ царствованій,—административныя власти дошли до такой распущенности, что позабыли, въ этомъ частномъ случаѣ, надѣть тѣ перчатки, которыя русское образованное общество привыкло видѣть на порабощающей его

рукѣ. Съ другой стороны, они неожиданно натолкнулись на людей, не вполнѣ еще успѣвшихъ примириться съ обычной практикой жизни и стать такими же пассивными орудіями въ рукахъ правительства, каковыми являются старшіе представители этой же самой интеллигентной среды. Въ результатѣ получилось то, что причастныя къ этому дѣлу правительственныя лица возбудили не только всеобщее общественное негодованіе, къ которому они совершенно равнодушны, но также и неудовольствіе верховной власти, усмотрѣвшей въ ихъ поведеніи нѣкоторую безтактность, благодаря чему, одному министру представился удобный случай наговорить нѣсколько громкихъ, почти либеральныхъ фразъ, другому пришлось слетѣть съ своего мѣста, а третьему удалось сѣсть на это мѣсто и теперь предстоитъ позаботиться о томъ, чтобы, закручивая руки «чистой публикѣ»,—если это дѣлается на виду у всѣхъ,—административные чины, впредь отнюдь не позволяютъ себѣ пренебрегать нѣкоторыми пріемами учтивости, установленными по отношенію къ привилегированнымъ классамъ.

Все это нисколько не измѣняетъ дѣйствительнаго положенія вещей, и такъ это старо, обычно и пошло, что не заслуживало бы особеннаго вниманія,—еслибы только оно, косвеннымъ образомъ, не послужило обнаруженію одного весьма знаменательнаго явленія, а именно—того, что въ русскомъ образованномъ обществѣ,—несмотря на все его казавшееся безнадежнымъ раболѣпіе передъ предержащими властями—сохранилось еще, какими то судьбами, искра человѣческаго достоинства, готовая кое-когда разгораться въ яркое пламя.

Совершенно неожиданно, столько же для самого общества, какъ и для правительства, оказалось, что въ той самой средѣ, изъ которой малѣйшіе задатки независимости такъ систематически, продолжительно и, какъ казалось, успѣшно вытравлялись правительствомъ, и которая давно, повидимому, привыкла малодушно мириться со всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ потери своего обез-

печиваемаго правительствомъ матеріальнаго достатка,— что въ этой самой средѣ, подростающія поколѣнія до сихъ поръ еще не успѣли выродиться въ безжизненныхъ автоматовъ.

Вотъ этому то проявленію свободнаго человѣческаго духа среди погруженнаго въ спячку общества мы и придаемъ серьезное значеніе, какъ залогу возможности лучшаго будущаго. И мы съ волненіемъ и радостью привѣтствуемъ это явленіе, желая видѣть въ немъ первый проблескъ новой эры въ жизни русскаго общества.

* * *

Мы далеки отъ желанія идеализировать молодежь или льстить ея самолюбію, тѣмъ болѣе, что она и безъ того, часто страдаетъ преувеличеннымъ представленіемъ о значеніи своей дѣятельности. Но именно, потому, что она не всегда располагаетъ вѣрною перспективою сравнительной важности того, въ чемъ принимаетъ участіе,— намъ кажется желательнымъ, чтобы люди, безпристрастно наблюдающіе со стороны поведеніе молодыхъ поколѣній, не стѣснялись выражать имъ свое сочувствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаютъ что-нибудь дѣйствительно хорошее и значительное. А въ поведеніи русской молодежи въ данномъ случаѣ несомнѣнно было много и хорошаго, и значительнаго,—много такого, что внушаетъ самое горячее сочувствіе.

При господствующемъ въ Россіи печальномъ общественномъ настроеніи, нельзя ожидать никакого улучшенія доселѣ удержавшагося дикаго государственнаго строя, помимо двухъ необходимыхъ условій: нужно, во-первыхъ, чтобы люди, живущіе подъ гнетомъ этого строя, перестали относиться равнодушно къ своему положенію,—стали бы способными сознавать свое униженіе, возмущаться и негодовать; и во-вторыхъ, чтобы возмущались они не въ одиночку и не исподтишка, а сообща и открыто. Еслибъ только осуществились эти два условія, то очень скоро воспослѣдовали бы и соотвѣтствующія измѣненія во всемъ внѣшнемъ строѣ об-

щественной и государственной жизни.

И вотъ, въ сферѣ, своихъ частныхъ интересовъ русскіе студенты и ихъ товарищи другихъ учебныхъ заведеній показали всему обществу, что они обладаютъ этими двумя основными условіями всякаго общественнаго прогресса: у нихъ оказалось достаточно чуткости чтобы отъ глубины души возмутиться тому, что дѣйствительно возмутительно, и достаточно взаимной солидарности, чтобы сплотиться въ неслыханномъ по единодушію, безстрашію и грандіознымъ размѣрамъ протестѣ противъ того безобразнаго зла, съ которымъ имъ пришлось лицомъ къ лицу столкнуться при первыхъ шагахъ своего вступленія въ сознательную жизнь.

Въ этомъ протестѣ молодежи замѣчательно еще и то, что, несмотря на свое воодушевленіе и свои размѣры, онъ, съ самаго начала и до конца, сохранилъ ту форму, которая наиболѣе цѣлесообразна въ борьбѣ со всякимъ началомъ насилія и зла; а именно—форму пассивную, чисто отрицательную, состоящую въ воздержаніи отъ участія въ томъ, что признано слишкомъ унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Этому миролюбивому характеру студенческаго протеста и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ приписать необычайно благопріятное и сильное впечатлѣніе, имъ произведенное на общество.

Несмотря на то что вопросы, непосредственно затронутые этимъ студенческимъ движеніемъ, касались только одной частной стороны общественной жизни,— тѣмъ не менѣе всѣ почувствовали, что происходитъ нѣчто, имѣющее самое широкое, общественное значеніе, и что движеніе это, по своей искренности, свѣжей силѣ и благородству, принадлежитъ къ совсѣмъ иному разряду явленій, чѣмъ тѣ мелкія пошлости и крупныя подлости, которыя, подъ названіемъ государственной и международной политики, наполняютъ дѣятельность всевозможныхъ правителей и столбцы ежедневныхъ газетъ. . . . . .

. . . . . ,

Какъ же, въ наше время, не радоваться такому, хотя бы только и временному, оживленію общественнаго сознанія, и не почувствовать глубокой благодарности къ тому юношеству, которому удалось ввести токъ свѣжей жизни въ оцепенѣвшій отъ равнодушія общественный организмъ?

* * *

Пессимисты указываютъ на то, что студенты, запуганные будто бы, угрозою солдатчины, въ концѣ концовъ успокоились и пошли на уступки. Университеты, какъ намъ сообщаютъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, переполнены слушателями, несмотря на то, что никакихъ существенныхъ уступокъ правительство не сдѣлало. И высказывается мнѣніе, что не стоило съ такимъ шумомъ огородъ городить для того, чтобы сейчасъ же предоставить всему дѣлу сойти на нѣтъ.

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого разочарованія. Смыслъ состоявшагося движенія мы видимъ въ томъ, на что выше указали, а никакъ не въ борьбѣ съ правительствомъ, которой сама молодежь, быть можетъ, и придаетъ преобладающее значеніе.

Не говоря о томъ, что серьезная борьба съ какимъ бы то ни было утвердившимся началомъ,—для того, чтобы быть успѣшной,—требуетъ такого глубокаго предварительнсго проникновенія въ условія, на которыхъ оно зиждется, какимъ только что вступающее въ жизнь юношество наврядъ ли можетъ располагать; не говоря даже о томъ, что непроизводительно тратить силы на борьбу съ внѣшнимъ проявленіемъ, а не съ внутреннимъ источникомъ зла, какъ дѣлаютъ тѣ, кто борются непосредственно съ правительствомъ, вмѣсто того, чтобы бороться съ тою тьмою, въ сознаніи людей, которая побуждаетъ преобладающія массы населенія страны поддерживать правительство не могущее продолжать существовать независимо отъ этой поддержки;—не говоря объ этомъ, если даже и допустить цѣлесообразность внѣшней борьбы съ правительствомъ, то, во всякомъ случаѣ, для желающаго съ нимъ бороться, трудно при-

думать менѣе подходящее положеніе, нежели—человѣка, добровольно вступившаго въ казенное учебное заведеніе, организованное исключительно въ государственныхъ интересахъ и находящееся въ полномъ распоряженіи того самаго правительства, съ которымъ онъ желаетъ бороться. Поступая въ подобное учрежденіе, учащійся сознательно обязуется подчиняться установленнымъ правительствомъ порядкамъ, опредѣляющимъ всѣ условія университетской жизни, начиная съ назначенія профессоровъ и программы занятій и кончая пріобрѣтаемымъ той или другой ученой степенью чиномъ и покроемъ обязательной для учениковъ казенной ливреи. Когда люди не брезгаютъ выгодами и преимуществами, обезпечиваемыми государственною организаціею, что борьба съ этой организаціей слишкомъ съ ихъ стороны непослѣдовательна и безпочвенна для того, чтобы быть производительной: а тѣмъ болѣе,—борьба за введеніе новыхъ желаемыхъ ими порядковъ въ томъ самомъ казенномъ заведеніи, поступая въ которое, они согласились оффиціально признать свое подчиненное положеніе.

И потому попытки борьбы учениковъ казенныхъ учебныхъ заведеній съ своимъ начальствомъ и правительствомъ ради достиженія для себя различныхъ „льготъ“ и „правъ“, редставляется намъ трогательнымъ юношескимъ увлеченіемъ, заранѣе обреченнымъ на безуспѣшность. Въ своихъ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ правительство, разумѣется, никогда не согласится ни на какія существенныя уступки, могущія сколько нибудь подорвать его власть или авторитетъ. Если же начальство отъ времени до времени и допускаетъ кое въ чемъ нѣкоторыя ничтожныя поблажки, то это обыкновенно дѣлается для отвода глазъ въ то время, какъ оно еще туже укрѣпляетъ путы во всѣхъ другихъ областяхъ.

* * *

Но если мы не видимъ главнаго значенія студенческаго движенія въ попыткахъ настоять на полученіи

тѣхъ или другихъ правъ, то это вовсе не значитъ, что мы считаемъ дѣло, начатое этимъ замѣчательнымъ протестомъ юношества, въ настоящее время оконченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго развитія. Напротивъ того, мы естественно ожидаемъ продолженія этого движенія, и притомъ—не столько въ смыслѣ возобновленія раньше предъявленныхъ требованій, сколько углубленія и расширенія его задачи.

Если нѣсколько десятковъ тысячъ юношей могли сплотиться для того, чтобы, со столь изумительными единодушіемъ, энергіей и выдержанностью, выразить правительству свое негодованіе по поводу оскорбленія, нанесеннаго одной группѣ своихъ товарищей, то,—возвращаясь къ тому, съ чего мы начали,—почему же имъ не увидѣть и не признать такой же своей солидарности со всѣми тѣми милліонами людей-братьевъ, которые подвергаются со стороны правительства еще въ тысячу разъ худшимъ оскорбленіямъ и притѣсненіямъ, находясь притомъ въ такихъ матеріальныхъ и умственныхъ условіяхъ, которыя не даютъ имъ возможности освободиться изъ подъ своего тяжкаго, почти непосильнаго ярма? Если учащіеся юноши, находясь въ затрудненіи, заслуживаютъ заступничества и нравственной поддержки своихъ товарищей, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ помощи тѣ люди, которые своимъ трудомъ кормятъ и содержатъ всѣхъ этихъ юношей съ ихъ семьями и со всей ихъ средой. Вѣдь эти высшія учебныя заведенія, наравнѣ со всѣми остальными правительственными учрежденіями, содержатся на средства насильственно отбираемыя отъ рабочаго народа, въ то время, какъ онъ самъ тѣмъ же правительствомъ тщательно охраняется отъ всякаго истиннаго просвѣщенія и систематически одурманивается церковно-государственнымъ обманомъ.

Не чувствуя расположенія участвовать въ господствующемъ слѣпомъ преклоненіи передъ всѣмъ тѣмъ, что облечено въ научныя ризы и освѣщено авторитетомъ жрецовъ современной культуры,—мы не считаемъ

нужнымъ закрывать глаза на то, что преподаваемые въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ научные курсы большей частью установлены русской государственною властью для своихъ спеціальныхъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ, котораго она боится больше всего на свѣтѣ. Мы не можемъ не замѣчать и того, что успѣшное прохожденіе этихъ курсовъ до конца имѣетъ обыкновенно свойство притуплять лучшіе задатки ума и сердца, вытравляя всякую индивидуальную самобытность. Наконецъ, мы знаемъ, что громадное большинство людей, наиболѣе блистательно кончающихъ эти курсы, потомъ становятся либо чиновниками-карьеристами, либо распорядителями чужимъ трудомъ въ интересахъ капитализма, — или же, въ лучшемъ случаѣ, дѣятелями, пользующимися казеннымъ жалованьемъ или доходомъ отъ буржуазныхъ классовъ для того, чтобы имѣть возможность содержать свои семьи въ сравнительномъ достаткѣ и заниматься тѣмъ, что имъ лично болѣе всего по вкусу.

Но здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ вопросовъ; и потому замѣтимъ только, что если даже и предположить, что высшее образованіе обставлено въ Россіи, какъ нельзя лучше, то этимъ все же, не устраняется вопросъ о томъ, имѣетъ ли въ наше время, молодой человѣкъ,—уже воспользовавшійся благами (какъ онъ ихъ считаетъ), скажемъ—средняго образованія,—нравственное право продолжать накоплять дальнѣйшее умственное достояніе, тогда какъ большинство того рабочаго народа. на счетъ котораго онъ воспитывался, не имѣетъ возможности получить даже самаго элементарнаго начальнаго образованія, изнемогая подъ бременемъ каторжнаго физическаго труда и совершенно лишенное досуга, необходимаго для всякаго умственнаго развитія?

Вѣдь, умственный капитализмъ не менѣе преступенъ, а для многихъ болѣе соблазнителенъ, нежели денежный. Пріобрѣтши, по желанію своихъ воспитателей, извѣстную степень образованія, юноша, вступая въ сознательную жизнь,—если только онъ съумѣетъ отдать себѣ от-

четъ въ значеніи своего привилегированнаго положенія по отношенію къ рабочимъ массамъ,—сознаетъ и почувствуетъ потребность подѣлиться съ ними своими умственными богатствами вмѣсто того, чтобы эгоистически продолжать накоплять ихъ все больше и больше. Но бѣда въ томъ, что жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ ея увлекательными товарищескими и всякими кружковыми интересами, съ одной стороны, и первымъ возникновеніемъ животрепещущихъ философскихъ, соціальныхъ и тому подобныхъ вопросовъ, съ другой,—создаетъ такую обворожительную, самодовлѣющую душевную атмосферу, что дышащіе ею молодые люди и не замѣчаютъ своего совершеннаго отчужденія отъ дѣйствительной жизни своего народа. А между тѣмъ, это именно, отчужденіе (вмѣстѣ, конечно, съ самимъ характеромъ проходимаго курса) создаетъ ту искусственную теоретичность, ту умственную безпочвенность, которыя представляютъ слабѣйшія стороны душевнаго развитія учениковъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эти же причины способствуютъ и тому, что лучшіе, свойственные юношескому возрасту, задатки чуткости, отзывчивости и воодушевленной энергіи расходуются на служеніе частнымъ и сравнительно ничтожнымъ интересамъ самой учащейся молодежи вмѣсто того, чтобы быть направленными туда, гдѣ безъ всякаго сравненія болѣе важные и настоятельные интересы роднаго народа взываютъ о неотложномъ участіи всѣхъ, у кого глаза открыты, и сердце на мѣстѣ.

И потому намъ кажется, что самое просвѣтительное вліяніе, оказываемое на наше юношество казенными учебными заведеніями, заключается въ обнаруженіи передъ нимъ истинаго значенія господствующаго въ Россіи государственнаго начала и того порабощенаго положенія, которое занимаетъ передъ этимъ началомъ русское общество и русскій народъ. А живое сознаніе этого положенія вещей лучше всего вызывается тѣми притѣсненіями, оскорбленіями и преслѣдованіями, которыя неизбѣжно выпадаютъ въ этихъ заведеніяхъ на долю луч-

шихъ представителей молодыхъ поколѣній. Такъ что высшій дипломъ, который можетъ получить учащійся въ подобномъ заведеніи, состоитъ въ насильственномъ изъ него исключеніи за неспособность достаточно обезличиться и отупѣть для того, чтобы удовлетворить требованіямъ начальства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выходъ,—вынужденный ли или добровольный,—изъ казеннаго учебнаго заведенія имѣетъ, на нашъ взглядъ, еще и то благотворное значеніе, что сразу ставитъ молодого человѣка, освободившагося изъ подъ правительственной опеки, лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью и тѣмъ самымъ открываетъ ему наилучшій курсъ образованія и развитія, доступный тому, кто желаетъ имъ воспользоваться.

Какъ бы то ни было, но въ дальнѣйшее развитіе этого замѣчательнаго и отраднаго движенія среди русской учащейся молодежи мы твердо вѣримъ. Не намъ, разумѣется, браться за предсказанія о томъ, въ какую именно форму оно можетъ вылиться. Несомнѣнно только одно; что событіе это обнаружило въ молодомъ поколѣніи нашего общества прекрасные и могучіе задатки; и что,—такъ или иначе, раньше или позже,—задатки эти должны непремѣнно дать соотвѣтсвующіе имъ по достоинству плоды.

В. Чертковъ.

Purleigh 18 декабря 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) Февральскія событія 1899 г. въ жизни С.-Петербургскаго университета.

2) Коммиссія Ванновскаго.

3) Прокламаціи Организаціоннаго Комитета Петербург. Университета

4) По поводу студенческаго движенія (статья Гершкова).

КРЮКОВЪ.

22 АПР 1944

Изданія А. М. ДУБРОВСКАГО.

А. Пушкинъ и М. Лермонтовъ. Неизданныя стихотворенія. (*„Свободныя стихотворенія“*) цѣна 35 к.

Ф. Зигель проф. Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта съ англ цѣна 20 к.

Н. Андрушкевичъ. Сонъ царя Дивдона (сказка) цѣна 15 коп.

В. Чертковъ. Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи цѣна 25 коп.

Въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати необходимая книга для родителей, врачей и преподавателей

НАШИ ДѢТИ ВЪ ГИМНАЗІИ.

Тѣло и душа ребенка.

D-r Maurice de Fleury пер съ франц. **В. Н. Шрейдеръ**

СОДЕРЖАНІЕ.

I часть
Жизнь физическая.

1 Выборъ школы
2 Въ столовой
3 Дортуары. Чистота
4 Рекреаціонные часы и гимнастика
5 Лазаретъ и врачъ лицея

II часть
Жизнь умственная

6 Вопросъ о переутомленіи
7-8 Передѣлка программъ
9 Упраздненіе латыни
10 Научный умъ
11 Необходимость преподаванія гигіены
12 Психологія школьника
13 Желаніе и нежеланіе ученика
14 О невниманіи и его лѣченіи
15-16 Методъ работы
17 Свойства соревнованія

III часть
Жизнь моральная.

18 Преподаваніе морали
19 Нынѣшняя попытка
20 Страхъ и смѣлость
21 Образованіе характера
22 Великодушіе
23 Любовь къ истинѣ
24 Наказаніе
25 26 Заключеніе

Цѣна по подпискѣ 1 р. 75 к., по выходѣ въ свѣтъ будетъ значительно повышена Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ а также на складѣ изданія: *Москва 3 Мѣщанская, д Персицъ кв 9.*

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, 3 Мѣщан. д. Персицъ кв. 9.

ЦѢНА 25 КОП.

2896

2010515213